

Сусанны, чтобы онъ безъ противорѣчя, безъ разговоровъ, безъ жалобъ отказался отъ старой, любимой привычки. На вопросъ Георга онъ просто отвѣтилъ:

— «Она не любитъ дыма».

Онъ оставилъ свои солдатскія привычки одну за другой, безъ ропота, безъ напряженія. Все измѣнилось въ немъ: нравы, языкъ и характеръ. Онъ былъ раньше горячъ, вспыльчивъ, неспокоенъ, неровенъ; у него были дни гнѣва, дни, когда погода отражалась на его старыхъ ранахъ, которыя носили имена сраженій.

Бывало, Георгъ, открывъ утромъ окно и видя, что на дворѣ дождь или вѣтеръ, говорить, покачивая головой: «Скверный день, дурная погода для Кенигреча», или: «Сегодня достанется фарфору отъ Меца!» А теперь—въ дождь и въ градъ, въ снѣгъ и бурю—генералъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ и счастливъ.

Онъ, который не выносилъ свѣта и знать его не хотѣлъ, онъ, воспитанный въ суровой школѣ и возмущавшійся блестящими и лживыми формами столичной жизни, подчинился этому гнету. Онъ привыкъ къ блестящимъ салонамъ, къ скучнымъ soirées. Несмотря на свою большую ногу, онъ сталъ бы танцоромъ, если бы его жена этого хотѣла.

Онъ, который до сихъ поръ чувствовалъ себя хорошо только въ циркѣ или въ опереткѣ, просиживалъ теперь цѣлые вечера въ оперѣ и не засыпалъ при этомъ. Онъ, который такъ нуждался въ покоѣ и считался домо-